УДК 94(47).073

Л.В. Выскочков

Записные книжки великого князя Николая Павловича как исторический источник

К публикации дневников 1822–1825 гг. из фондов ГАРФ

В 2013 г., в серии «Бумаги Дома Романовых» были опубликованы записные книжки великого князя Николая Павловича, предшествующие его вступлению на престол[1]. С их изданием Александровская и Николаевская эпохи получили новый ценный источник от первого лица[2]. Ведь до последнего времени записные книжки великого князя Николая Павловича оставались труднодоступны для исследователей. Лишь некоторые его дневниковые записи за полтора месяца междуцарствия с 21 ноября по 13 декабря 1825 г. были опубликованы Б.Е. Сыроечковским в 1926 г. на фоне отмеченного накануне столетнего юбилея восстания декабристов[3].

Как отмечают составители М.В. Сидорова и М.Н. Силаева, записные книжки после кончины Николая I перешли последовательно в собственность Александра II, Александра III и хранились в Гатчинском дворце, ставшем к тому

[1] Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825 / Под ред. М.В. Сидоровой, М.Н. Силаевой; пер. с франц.: Е.Э. Лямина, О.В. Эдельман; подг. текста, ком., им. указ.: М.В. Сидорова, М.В. Силаева; геогр. указ.: А.А. Литвин, М.Н. Силаева. М., 2013.

[2] *Сидорова М.В.* Дневники и воспоминания императора Николая I // Исторические коллекции музеев. Прошлое и настоящее. Материалы научной конференции / Отв. за вып. С.А. Астаховская. СПб., 2007. С. 85–92.

[3] Из дневников Николая Павловича // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / Подг. Б.Е. Сыроечковского. М.; Л, 1926. С. 63–79.

времени своеобразным мемориалом императорской семьи. В настоящее время они хранятся в фонде Николая I в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 43, 45, 47, 49). Исследовавший их ранее Б.Е. Сыроечковский дал археографическое описание: «Книжки маленького формата; книжка за 1822 г. — в зеленой папке, за последние три года в сафьяновых переплетах с золотым тисненым бордюром, а последние две и с золотым обрезом. На каждой странице книжечки, вверху и посредине, отпечатаны последовательно обычные обозначения дней, с указанием церковных праздников, святых и царских дней. В конце книжки напечатаны "Показания чинов главного штаба е.и.в., чинов свиты, министерств, дипломатического корпуса...", "известие о времени отправлении и получении почт в Петербурге" и т.п. <...> Сделаны записи по-французски чрезвычайно мелким, но всё же достаточно разборчивым почерком. Однако, некоторые места не удалось прочесть...»[4] Все книжки карманного формата 15×10 см, изданы типографским способом.

Помимо автографов в ГАРФ находятся их копии, снятые заведующим Императорскими библиотеками В.В. Щегловым (1851–1917). Это 4 тетради большого формата в коленкоровых переплетах (ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 42, 44, 46, 48). Вероятно, В.В. Щеглов готовил их к изданию. К этому времени им были изданы «Воспоминания Николая I о младенческих годах»[5] и исторический очерк об Императорских библиотеках Зимнего дворца[6]. Именно по его копиям была осуществлена современная публикация в переводе Е.Э. Ляминой и О.В. Эдельман. В необходимых случаях, как отмечают составители М.В. Сидорова и М.Н. Силаева, проводилась сверка с автографами. Составителями же даны комментарии, причем для этой цели, как явствует из некоторых примечаний, отчасти привлекался камер-фурьерский журнал за 1825 г.[7] Им же принадлежит почти исчерпывающий (около 150 страниц текста) именной указатель, который позволяет ориентироваться в окружении великого князя. Не указаны некоторые лица, о которых не удалось найти сведений, или записанные неразборчиво. Отметим сразу, что некоторые атрибуции вызывают вопросы. Так, прибывший от И.И. Дибича его адъютант барон Александр Александрович Фредерикс (полковник Измайловского полка) в указателе имен неверно отождествлен с командиром л.-гв. Московского полка П.А. Фредериксом[8]. Вероятно, случайно при подготовке географического указателя выпало много раз упоминаемое Николаем Павловичем Царское село[9].

---

[4] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов... С. 63.

[5] Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно / Сообщ. В.В. Щеглов; пер. с франц. СПб., 1906. С. 5–12.

[6] *Щеглов В.В.* Собственные Его Императорского Величества библиотеки и арсеналы: Краткий исторический очерк. 1715–1915. Пг., 1917.

[7] РГИА. Ф. 516 (Коллекция камер-фурьерских журналов). Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора (камер-фурьерский журнал). 1825.

[8] См., в частности, комментарий Б.Е. Сыроечковского.

[9] Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 47, 78, 86, 96, 243, 270–272, 420, 542, 557, 563, 579, 580, 583, 595, 596, 604, 605, 610, 620, 626–628, 630, 631, 633.

Дневниковые записи Николай Павловича начинаются 1 января 1822 г., и это не случайно. Именно в конце 1821 — начале 1822 г. имело место продолжение интриги, связанной с возможным престолонаследием Николая Павловича после памятного разговора летом 1819 г., когда Александр I впервые (и единственный раз) напрямую сказал о такой возможности Николаю Павловичу в присутствии Александры Федоровны. Именно тогда (на этот период приходился день рождения Александра I — 12 декабря) все четыре брата собрались вместе в С.-Петербурге. После посещения Михаилом Павловичем цесаревича Константина Павловича в Мраморном дворце, на прощанье, когда младший брат уже садился в сани, цесаревич произнес известный монолог, который в русском переводе передается с небольшими разночтениями: «Помнишь мои слова в Варшаве! Сегодня вечером всё устроилось... Государь обещал составить обо всем этом особый акт и положить его к прочим, хранящимся на престоле в московском Успенском соборе; но акт этот будет содержим в глубокой тайне и огласится только тогда, когда настанет для этого нужная пора»[10]. Как известно, 14 (26) января 1822 г. Александром I было инспирировано письмо цесаревича Константина Павловича с отказом от прав на российский престол, а 2 (14) февраля ответное письмо Александра I цесаревичу Константину. Естественно, эта тема в записных книжках Николая Павловича не отражена, да у него и не было достоверной информации, если не считать намеков. Так, 17/29 августа 1823 г. Николай Павлович, между прочим, заметил: «Письмо от Константина»[11]. Случайно или нет, но 16 августа в Царском селе Александр I подписал неопубликованный манифест о добровольном отречении Константина Павловича, в котором говорилось: «Наследником нашим быть второму брату нашему, великому князю Николаю Павловичу»[12].

Весьма характерны дневниковые записи от 27 августа (8 сентября) 1825 г., когда почти все члены императорской фамилии собрались за несколько дней до этого в Царском селе, наносили друг другу визиты и вели беседы. В тот день Александра Федоровна посетила Марию Федоровну, а Николай Павлович — «Ангела» (Александра I). В памятной книжке осталась запись: «Я к Ангелу, **он не может сделать того, что надо сделать**... (выделено мной. — *Л. В.*)». В камер-фурьерском журнале Высочайшего двора осталась запись: «В 45 минут 3-го часа к Их Величествам прибыли из Нового дворца (Александровского дворца. — *Л. В.*) Его Высочество Великий князь Николай Павлович с супругой. В 15 минут 4-го часа Их Величества с Их Высочествами из внутренних своих апартаментов изволили пойти к Императрице Марии Федоровне во внутренние апартаменты, где находился и Великий Князь Михаил Павлович»[13].

[10] Цит. по: *Корф М.А.* Восшествие на престол императора Николая I // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994. С. 220.

[11] Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 272.

[12] Цит. по: *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый: В 2 кн. М., 1997. Кн. 1. С. 596.

[13] РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825 г. Л. 649 — 649 об.

Далее, после прогулки и любования Царском селом со смотровой площадки Белой башни в Александровском саду снова интригующие подробности: «...идем обедать к Ангелу, отобедали (в 4 часа. — *Л. В.*), вернулись к Матушке, говорили, Ангел и Имп[ератрица] (имеется в виду Елизавета Алексеевна. — *Л. В.*) уходят. **Матушка сделала нам сцену, слезы** (выделено мной. — *Л. В.*)»[14]. В 10 минут 11-го часа вечера Александр I в коляске «имел отъезд на Каменный остров». О чём не удалось договориться, чем вызваны слезы Марии Федоровны? Не исключено, что речь шла о престолонаследии. Тогда Николай Павлович выступал в этом эпизоде как активный участник переговоров. Вероятно, он хотел всё равно какой, но определенности. До отъезда Александра I в его последний вояж в Таганрог оставалось 3 дня. На следующий день Николай Павлович с Александрой Федоровной тоже прибудут в С.-Петербург, на соседний с Каменным Елагин остров.

В дневниковой записи от 29 августа (10 сентября) Николай Павлович сообщает о своем приезде в Каменноостровский дворец: «Ждал в генерал-адъютантской комнате, **Ангел позвал меня, говорил**... (выделено мной. — *Л. В.*)»[15]. Эта встреча была до часа пополудни. В час дня, как сообщает камер-фурьерский журнал, прибыл «Высокопреосвященный митрополит Серафим просить Государя Императора посетить завтрашний день, то есть, 30 августа, Александро-Невскую лавру и был принят Его Величеством в верхнем кабинете»[16]. Затем Александр I с Елизаветой Алексеевной отправились на Елагин остров к «Матушке» (вдовствующей императрице Марии Федоровне). За обеденным столом присутствовали великий князь Николай Павлович с Александрой Федоровной, а также принцесса Мария Вюртембергская[17]. После обеда Александр I пригласил Александру Федоровну на прогулку. Николай Павлович запишет: «Жена возвращается, объявляет мне, что Ангел покупает нам Знаменское или дарит нам Меньшиков дом (бывший участок Меншикова в Петергофе, т.е. будущую дачу “Александрию”. — Л. В.)». Что это? Утешительный приз? После отъезда Александра I 4/16 ноября князю А.Н. Голицыну было дано поручение от «Ангела» «уладить всё, чтобы дать нам участок Меньшикова (подчеркнуто Николаем. — *Л. В.*)»[18].

Но это будет позже, а пока наступило 30 августа, день Св. Александра Невского и, соответственно, праздник тезоименитства Александра I, великого князя Александра Николаевича. С утра Николай Павлович отправился в Зимний дворец на смену караула гвардейских саперов, потом поехал со своим адъютантом В.А. Перовским в Таврический дворец и встретился с женой. «Ангел,— пи-

[14] Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 631.

[15] Там же. С. 632.

[16] РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825. Л. 563.

[17] Там же. Л. 563 об. — 564.

[18] Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 661.

шет Николай,— берет меня с собой в Невскую (лавру. — *Л. В.*)»[19] После большой службы последовал завтрак у архиепископа и возвращение в Таврический дворец. Отсюда Мария Федоровна, Николай Павлович с Александрой Федоровной и братом Михаилом в четырехместной карете направились в только что отстроенный Михайловский дворец. «Ангел в дверях,— отметил Николай Павлович,— с хлебом, солью и иконой»[20]. После освящения дворца и обеда в голубом салоне Александр I уходит, за ним следуют Елизавета Алексеевна и Мария Федоровна. Николай Павлович с женой отправляется в Аничков дворец, где переодевается в дорожный костюм. В тот же вечер он отправился в Динабург (Даугавпилс) на учения, а Александр Павлович на следующий день, 1 сентября, из Каменноостровского дворца рано утром также через Царское село отправился на юг. 3 сентября вслед за ним отправилась в путь и императрица Елизавета Алексеевна. В связи с их отъездом прекратились записи в камер-фурьерском журнале «главной половины» (не было их хозяев). Новая запись появилась только 27 ноября, когда литургия была прервана известием о кончине Александра I. Еще одна запись по «главной половине» была сделана 30 ноября. В день праздника Святого Андрея Первозванного Мария Федоровна, Николай Павлович, Александра Федоровна «приобщились Святых Христовых тайн», затем состоялась литургия[21]. В камер-фурьерском журнале в примечании внизу было добавлено: «С сего и до 14-го декабря кроме обыкновенного ничего не происходило»[22].

С правой стороны листа записи по «первой половине» Марии Федоровны были продолжены, но достаточно кратко. Только 13 декабря (после манифеста Николая I от 12 декабря о восшествии на престол) работа камер-фурьеров по составлению журналов «главной половины» возобновилась. Таким образом, записные книжки великого князя Николая Павловича, которые заканчиваются короткой записью от 13 декабря 1825 г. (пропуски с 1 по 14 января), оказываются ценным информационным источником периода междуцарствия. Новый перевод дневников периода междуцарствия близок переводу Б.Е. Сыроечковского, но есть небольшие нюансы. Так, наиболее эмоциональны записи Николая Павловича за 27 октября (9 ноября). В переводе Б.Е. Сыроечковского: «Да поможет мне Бог и да пошлет мне его (Александра Павловича. — *Л. В.*) в ангелы-хранители»[23]. В новом переводе: «Помоги мне, Господь, и дай мне его в Ангелы-хранители»[24]. В приписке, которая была сделана явно позднее,

[19] Там же. С. 632.

[20] Там же. С. 633.

[21] РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825 г. С. 836 об. — 837.

[22] Там же. Л. 837.

[23] Из дневников Николая Павловича. С. 69.

[24] Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 674.

в переводе Б.Е. Сыроечковского: «Шульгин (А.С. Шульгин — петербургский обер-полицмейстер. — *Л. В.*) поддерживает меня, я теряю чувства»[25]. В новом переводе: «Шульгин меня поддерживает, не чувствую себя»[26]. Вероятно, нюансы перевода не являются принципиальными. Хотя эта часть дневников Николая Павловича нуждается в отдельном и более тщательном исследовании с привлечением записей камер-фурьерского журнала по «первой половине» Марии Федоровны и других источников. Одна из версий событий междуцарствия была предложена в 1995 г. М.М. Сафоновым[27]. Итоги изучения междуцарствия подведены в монографии Т.В. Андреевой[28].

Возвращаясь к записным книжкам. Вероятно, были и другие причины их появления, вытекающие из особенностей характера и обучения великого князя. Человек долга по своему мироощущению, с практическими наклонностями в жизни, достаточно хорошо по меркам своего времени образованный (миф о плохом образовании Николая следует забыть)[29], из гуманитарных наук выделявший историю (как «наставницу жизни»), он с юношеских лет тяготел к историческому документу. Термин «архив» применительно к своим бумагам появился в лексиконе великого князя Николая Павловича, когда ему не исполнилось и 17 лет[30]. Кроме того, как педант, он был способен вести ежедневные краткие записи (половину странички записной книжки небольшого формата, где уже были проставлены даты). Когда же он стал императором, то перестал вести дневник, не только потому, что не было времени, а еще и потому, что отчасти эту функцию выполняли камер-фурьерские журналы, коллекция которых находится в Российском государственном историческом архиве. Впрочем, понимал он и необходимость сохранения государственных и династических тайн[31] и весьма ревниво следил за судьбой дневников и мемуаров членов императорской фамилии[32]. Для памятных книжек характерна «политическая» само-

[25] Из дневников Николая Павловича. С. 69.

[26] Записные книжки. С. 674.

[27] *Сафонов М.М.* Междуцарствие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 166–182.

[28] *Андреева Т.В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 533–598.

[29] *Киселева Л.* Мифы и легенды «царской педагогики»: Случай Николая I // История и повествование: Сб. ст. М., 2006. С. 163–177 (Новое литературное обозрение. Вып. LVI).

[30] Столетие Военного министерства. 1802–1902. [Т. 2. Кн. 3]. Главная квартира. История Государевой свиты. Царствование Николая I / Гл. ред. генерал от кавалерии Д.А. Скалон; сост.: генерал-майор В.В. Квадри и капитан В.Н. Шенк. СПб., 1908. Пагинация 2-я. С. 55.

[31] *Выскочков Л.В.* Император Николай I и архивы: династические тайны (архивы членов императорской семьи) // Архивы и история российской государственности. Вып. 2. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 98–105.

[32] *Выскочков Л.В.* «После моей смерти сжечь»: Тайна шкатулки императрицы Елизаветы Алексеевны // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука. Посвящается Наталье Ивановне Яковкиной / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. (Тр. кафедры Истории России с древнейших времен до XX века. Т. III). СПб.,2012. С. 101–123.

цензура, хотя многие подробности семейной жизни он приводить не стеснялся. Встречаются многочисленные зашифрованные пометки латинскими буквами в скобках (вероятно, начальные буквы французских слов), понятные лишь автору: «f.l.t.d.h.», «f.l.s.d.d.h.», «f.l.d.d.h.», «f.l.t.d.d.h.», «b.l'u á l'a» и др.[33]

Значение опубликованных памятных книжек Николая Павловича трудно переоценить. Да, можно согласиться с публикаторами записок, что для неискушенного читателя эти записи, сделанные «телеграфным» стилем, «кажутся на первый взгляд очень скучными и однообразными»[34]. Они разительно отличаются от ярких писем или написанных хорошим слогом воспоминаний Николая Павловича. Но таков жанр, таков канон. Это записи для памяти, у Николая Павловича — прекрасной памяти. Поэтому маленький штрих, маленькая подробность должны были воскресить впечатления об упомянутом человеке, событии, настроении, местах пребывания.

Больше всего информации об участии в мероприятиях по долгу службы бригадным генералом. Забот прибавилось с назначением на должность дивизионного генерала 27 февраля 1825 г. Николай Павлович был назначен начальником 2-й гвардейской дивизии. Но одновременно Николай Павлович был генерал-инспектором по инженерной части, курируя строительство крепостей, казарм, госпиталей, подготовку саперных и пионерных частей, выезжая на маневры и учения в Красное село и литовско-белорусские губернии. Так, как уже было сказано, 30 августа (11 сентября) 1825 г. Николай Павлович отправился инспектировать строительство крепости и войска в районе Динабурга и вернулся 20 сентября (2 октября). Через три недели, когда Александр I находился в Таганроге, 24 октября (5 ноября) Николай Павлович записал в дневнике: «...получил благодарность от Ангела через Дибича за мой рапорт об инспекции, и что остаток 2-й пех[отной] дивизии отдан под мою команду... (подчеркнуто Николаем Павловичем. — *Л. В.*)[35]».

Записные книжки густо «населены» персоналиями. Многочисленны упоминания о служебных и семейных встречах с Александром I, который чаще всего фигурирует как «Ангел». Это подтверждает свидетельство супруги Николая Павловича Александры Федоровны, что они между собой назвали императора «наш Ангел». Впрочем, так же назвала его и Елизавета Алексеевна, сообщая о кончине Александра I в Таганроге. Вероятно, в ближнем кругу это было принято. Впрочем, как пишет в воспоминаниях хирург Д.К. Тарасов, сопровождавший императора в поездках по России в 1820–1825 гг., был и альтернативный вариант: «Все трое братьев в фамильных отношениях всегда называли императора батюшкой»[36]. Сравнение дневниковых записей Николая Павловича

[33] Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 119, 128, 132, 134, 135, 139–143, 146, 148, 152, 162, 165, 167, 169, 172, 181, 433, 630, 631, 665 и др.

[34] Там же. С. 3.

[35] Там же. С. 655.

[36] *Тарасов Д.К.* Император Александр I. Последние годы царствования, болезнь, кончина и погребение: По личным воспоминаниям лейб-хирурга. М., 2013. С. 111.

с соответствующими записями в камер-фурьерских журналах подтверждает их точность. В журналах дополнительно фиксируется время событий и встреч, и это «перекрестное» сравнение делает оба источника более информативными. Много свидетельств о контактах великого князя с другими членами императорской фамилии, их зарубежными родственниками (прежде всего многочисленными Вюртембергскими).

На страницах памятных книжек Николай Павлович предстает как заботливый отец семейства. Например, трогательные записи о рождении дочек. 30 августа (11 сентября): «в 4 ч. ¼ разрешилась без сильных болей и без криков маленькой Ольгой. Да будет во имя Господне тысячекратно благословенно за сие новое подтверждение его бесконечной благости...» И далее: «Маленькая кричит как лягушка, молитва в спальне, жена целует малютку, все выходят, спустился проведать детей, показываю им Ольгу...»[37] Олинька потом постоянно упоминается в дневниках. Следующей девочкой была Александра. Еще во время пребывания в Берлине 4 (16) октября 1824 г. Николай записал: «...моя жена подозревает, что беременна (подчеркнуто Николаем Павловичем. — *Л. В.*), поддержи ее Бог, и, дай нам счастье видеть ее счастливо разрешившейся...»[38] Продолжение последовало 12 (24) июня 1825 г.: «...у себя, у жены, страдает, послал уведомить Матушку и Лейтена, приходят, в 11 ¼ в жена одним большим мучением производит на свет милую малютку Александрину... (Александру Николаевну. — *Л. В.*)»[39]. Много упоминаний о посещении детей, играх с детьми, состоянии их здоровья. Занимаясь с мальчиками, Николай Павлович старался развить в них военные навыки. Характерны записи: «Смотрел с мальчиками военные рисунки»[40]; «стрелял из ружья для Саши»[41], «поехал взглянуть на мальчиков, скомандовал им дефиле, сносно...»[42].

На страницах памятных книжек по понятным причинам много сведений о придворных врачах. Прежде всего это лейб-хирург Александра I Я.В. Виллие, лейб-медик при великокняжеской чете В.П. Крайтон (Крейтон), доктор Марии Федоровны лейб-медик И.Ф. Рюль, лейб-медик императрицы Елизаветы Алексеевны К. Штофреген (Штоффреген), лейб-медик Я.И. Лейтен, принимавший роды у Александры Федоровны. Отмечены и состоящий при Я.В. Виллие с 1820 г. и сопровождавший вместе с ним Александра I в пути хирург Д.К. Тарасов, зубной врач Н.А. Сосерот, акушерка Гесс. Вопреки распространенному мнению, Николай Павлович не обладал «железным здоровьем», его часто мучили головные боли, вызванные нарушением кровообращения.

[37] Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 110.

[38] Там же. С. 480.

[39] Там же. С. 590.

[40] Там же. С. 138.

[41] Там же. С. 272.

[42] Там же. С. 179.

Это подтверждается и его собственными свидетельствами[43], иногда дополнительно сообщается о сильной слабости, жаре[44] или о боли в сердце[45], кровотечении из носа[46]. Неоднократно сообщается о сильной зубной боли[47], о том, что он «в бешенстве из-за зуба»[48], что «вырвал зуб»[49]. К лечебным и оздоровительным процедурам можно отнести прием ванн[50], включая серные[51] и ножные[52], посещение бани[53]. На страницах дневников Николай Павлович, внимательный и заботливый муж, фиксирует состояние здоровья Александры Федоровны. Сообщается о ее болезнях и плохом самочувствии[54].

Служебные обязанности приводили к многочисленным контактам с офицерским корпусом, причем Николай Павлович в зависимости от ситуации выступал и как подчиненный, и как военачальник. Умение работать в бюрократическом механизме и выступать в этих двояких качествах было ему свойственно. Широко представлен генералитет, руководители различных военных структур и командиры гвардейских полков: А.А. Аракчеев (неприятные встречи), А.Х. Бенкендорф, К.И. Бистром, П.М. Волконский, М.С. Воронцов, М.Н. Гартинг, А.К. Геруа, П.В. Голенищев-Кутузов, многочисленные Голицыны, П.В. Гартунг, Е.А. Головин, И.И. Дибич, А.А. Закревский, П.Д. Киселев, П.А. Клейнмихель, В.В. Левашов, П.П. Мартынов, М.А. Милорадович, А.И. Нейдгардт, К.И. Опперман, Ф.В. Остен-Сакен, И.Ф. Паскевич, А.Н. Потапов, Н.Г. Сазонов, Е.К. Сиверс, Н.М. Сипягин, С.С. Стрекалов, Ф.И. Талызин, К.Ф. Толь, Ф.П. Уваров (в сокращенной форме «Уф!»), капитан и полковник Финляндского полка П.А. Храповицкий и др. При генерал-инспекторе по инженерной части Николае Павловиче состоял часто упоминаемый полковник Ф.И. Люце, начальник Гатчинского дворового управления и комендант Гатчины. Реже встречается имя будущего генерала от артиллерии, управляющего Царскосельским и Петергофским дворцовыми управлениями Я.В. Захаржевского.

Часто фигурируют адъютанты всех великих князей, в первую очередь самого Николая Павловича: И.Ф. Деллинсгаузен, А.П. Лазарев (будущий контр-адмирал, один из братьев Лазаревых), А.А. Кавелин, В.А. Перовский,

[43] Там же. С. 22, 29, 110, 532.
[44] Там же. С. 29.
[45] Там же. С. 110.
[46] Там же. С. 573.
[47] Там же. С. 527, 657, 661.
[48] Там же. С. 590.
[49] Там же. С. 573.
[50] Там же. С. 536, 631, 643.
[51] Там же. С. 643, 648, 658, 659.
[52] Там же. С. 28.
[53] Там же. С. 244, 501, 556. и др.
[54] Там же. С. 96, 119, 531, 573, 656.

П.А. Фредерикс, А.П. Ушаков («Лоло»), но чаще, чем другие, «Флам». Речь идет о флигель-адъютанте Николая Павловича Владимире Федоровиче Адлерберге, полное имя которого было Эдуард Фердинанд Вольдемар (с 1852 — министр Императорского двора и уделов). Только 25 ноября 1825 г., когда стало известно, что «Ангел очень плох»[55] и Николай Павлович вместе с ним остался ночевать в Зимнем дворце на половине Марии Федоровны, он назван своим именем Эдуард. В предшествующей записи, от 24 ноября и последующей от 26 ноября, он также был Фламом. Вероятно, это не случайно, Николай Павлович явно хотел, чтобы было понятно, о ком он пишет. Вообще все адъютанты великого князя сделали хорошую карьеру, так как отличительной чертой Николая Павловича была привязанность к людям, с которыми он работал. Неоднократно упоминается адъютант великого князя Константина Павловича Ф.П. Опочинин.

Впрочем, не со всеми офицерами складывались хорошие отношения, учитывая его вспыльчивый характер и мелочную до педантизма придирчивость. О конфликтах и наказаниях офицеров встречаются сведения и в памятных книжках. Среди многочисленных офицеров упоминаются будущие декабристы и люди их круга: В.С. Норов («норовская история»: записи от 8/20 февраля 1822 г., 14/26 марта, 27/8 марта)[56], поручик, затем капитан, л.-гв. Конно-Пионерного эскадрона М.И. Пущин, адъютант начальника Морского штаба, капитан-лейтенант К.П. Торсон. Особо сказано о дуэли 10 сентября 1825 г., подпоручика л.-гв. Семеновского полка К.П. Чернова (члена Северного общества) с флигель-адъютантом В.Д. Новосильцевым, закончившейся смертельными ранениями обоих. Николай Павлович узнал об этом 19 сентября, когда находился под Динабургом. Упомянут и привлекавшийся к следствию по декабристам полковник Ф.Ф. Гагарин.

Из придворных чинов чаще всего под псевдонимом «Папа» фигурирует бывший «кавалер» (воспитатель) Николая Павловича, и шталмейстер при великокняжеском дворе полковник П.П. Ушаков, с которым великий князь контактировал по поводу покупки лошадей и ремонта экипажей. В связи с этим появляется имя известного каретного мастера П.К. Фробелиуса. Часты упоминания об управляющем Гоф-интендантской конторой бароне П.Р. Альбедиле. Другие придворные чины: управляющий придворной конторой Николая Павловича А.И. Блок, обер-церемониймейстер (и гофмейстер) Д.М. Кологривов, камергер в должности гофмейстера А.П. Гагарин, гофмейстер Г.К. Моден, воспитатель великого князя Александра Николаевича капитан, затем полковник К.К. Мердер, протоиерей при церкви Аничкова дворца и духовник Императорской семьи Н.В. Музовский, секретарь Александры Федоровны И.П. Шамбо, статс-секретарь Марии Федоровны Г.И. Вилламов и многие другие.

Широко представлен дамский придворный штат. В нем состояли обер-гофмейстерина, гофмейстерины, статс-дамы, камер-фрейлины и фрейлины. В великокняжеских дворах их обязанности могли иногда выполнять и «прикоман-

[55] Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 673.

[56] Там же С. 37, 39, 43.

дированные» лица от «большого двора». Просто как «графиня» именуется свой человек при дворе, Шарлотта Карловна Ливен, воспитательница детей Павла I, графиня с 1799 г., с 1826 г. — княгиня и светлейшая княгиня. После приезда Шарлотты (Александры Федоровны) в Павловск в 1817 г. она была первой, кто вошел к ней «без церемоний <...> и промолвила по-немецки: "Вы очень загорели, я пришлю вам огуречной воды умыться вечером". Эта дама была пожилая, почтенная княгиня Ливен, которую я впоследствии искренне полюбила...»[57] Весьма значительной при дворе была роль статс-дамы и начальницы Смольного общества благородных девиц Юлии Федоровны Адлерберг, матери В.Ф. Адлерберга. Еще чаще упоминается гофмейстерина Юлия Федоровна Баранова, воспитательница дочерей великокняжеской четы. Часто упоминается статс-дама и с 1824 г. гофмейстерина Екатерина Васильевна Литта (жена графа Ю.П. Литта).

Большую роль при дворе играла подруга детства Александры Федоровны баронесса Цецилия Владиславовна Фредерикс (Сесиль), супруга адъютанта Николая Павловича барона П.А. Фредерикса, мать двух фрейлин. Особо следует выделить камер-фрейлину Марии Федоровны Е.И. Нелидову (фаворитку Павла I, ее племянница В.А. Нелидова станет позже «узаконенной» связью Николая I). Многочисленные фрейлины отмечены в именном указателе, в эти годы особенно часто Николай Павлович упоминает «Вареньку», фрейлину Александры Федоровны Варвару Павловну Ушакову, часто сопровождавшую великокняжескую чету, и «Катиньку» — Екатерину Петровну Шувалову, с 1823 г. супругу графа К. фон Шлиффена.

Многие факты свидетельствуют о живом интересе великого князя к событиям в мире, внешней политике. Так, 21 июля (2 августа) 1822 г. он упоминает «ужасы Испании» и чтение шифрованных депеш из Испании[58]. Как раз в это время в ходе Испанской революции власть захватили «левые либералы». «Дымились грозно Пиренеи» — писал тогда А.С. Пушкин. Другая тема, которая, конечно же, интересовала Николая Павловича, это обострение восточного вопроса в связи с восстанием в Греции, начавшемся в 1821 г. Находившийся тогда в Берлине великий князь Николай Павлович принял активное участие в денежном сборе в пользу восставших греков, боровшихся как за свободу Эллады, так и за православную веру[59]. Поэтому не случайно 2 (14) августа 1822 г. в памятной книжке появляется И. Каподистрия[60] — еще несколько лет назад бывший вторым статс-секретарем по иностранным делам (1815–1822), курировавший восточное направление, с мая 1822 г. в отставке, позднее до введения монархии президент Греческой республики (1827–1831). Став императором,

[57] *Александра Федоровна*. Воспоминания 1817–1820 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 141.

[58] Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 89.

[59] *Божерянов И.Н.* Императрица Александра Федоровна, августейшая мать императора Александра II. 2-е изд. СПб., 1914. С. 174–175.

[60] Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 96.

Николай I использовал банкротство Священного союза, чтобы занять более четкую и самостоятельную позицию в греческом вопросе. Следил Николай Павлович и за решениями конгрессов Священного союза. В записи от 27 февраля 1823 г. зафиксировано: «Читал веронские бумаги»[61].

В дневниковых записях Николая Павловича упомянуты многие дипломаты: английский посол в Швеции, находившийся в 1825 г. в С.-Петербурге, Б. Блумфильд, член французского посольства П. Ш.А. Бургоэн, португальский «министр» Геррейро да Круз Рафаэль, член британской миссии Э.К. Дисборо, испанский посол Паэс де ла Кадена, французский посол Лаферроне (Феррон де ла Ферроне, неаполитанский Д.-К. Лудольф, шведский Н.Ф. Пальмстерн (Пальмшерна), нидерландский Г.Г. Перпонше. Чаще всего (10 раз) Николай Павлович встречался с Лаферроне, в свете этого становится понятно, почему французский посол самые трудные для Николая I часы в день 14 декабря 1825 г. провел рядом. Весьма любопытно упоминание Чарльза Страффорда-Каннинга, будущего виконта Страффорда де Редклифа, позднее влиятельного английского посла в Турции, известного русофоба, весьма способствовавшего развязыванию Крымской войны. 31 марта (12 апреля) 1825 г. Николай Павлович принял его в Знаменной комнате вместе с другими атташе посольств и оставил запись: «Нахальство Страффорда-Каннинга»[62]. Сравнительно редко Николай Павлович делал записи с такой экспрессивной окраской. Именно в этой связи становится понятным не нашедший объяснения в литературе редкий в дипломатической практике отказ Николая I принять в 1833 г. в качестве английского посла упомянутого Каннинга. С большим трудом императору удалось отклонить этого неприемлемого для него кандидата в послы[63]. Между прочим, в камер-фурьерском журнале по первой половине (Марии Федоровне) сохранилась запись от 22 марта (3 апреля): «А в половине 3-го часа Ея Величество Государыня Императрица Мария Федоровна соизволила допустить к себе в гостиной комнате на отпускную аудиенцию Великобританского полномочного г. Страдфорда Каннинга, о котором Ея Величеству докладывал камердинер Ласунский и он же его с церемониймейстером князем Гагариным вводил»[64].

В круг общения Николая Павловича входили также литераторы, в том числе учитель русского языка Александры Федоровны и великих княжон В.А. Жуковский, Н.М. Карамзин, который читал свой труд в великокняжеской семье. Часто упоминаются встречи с художниками и приобретение их картин: Джордж Доу, М.Н. Воробьев, А.И. Зауервейд (художник-баталист, один из учителей Николая Павловича и его детей), Франц Крюгер, профессор К.Д. Фридрих из Дрездена, особо любимый Александрой Федоровной). Не забыты и архитекторы: З.Ф. Дильдин (главный архитектор Аничкова дворца), Адам Менелас

[61] Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 182.

[62] Там же. С. 556.

[63] Записки Александра Ивановича Рибопьера // РА. 1877. Кн. 2. № 5. С. 21.

[64] РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825 г. Л. 220 об., 221.

(именно ему было поручено возведение коттеджа в «Александрии»), автор проекта Михайловского дворца К.И. Росси, К.Ф. Шинкель. Во время пребывания в Берлине 26 сентября (8 октября) 1824 г. Николай Павлович и Александра Федоровна посетили мастерскую скульптора К.Ф. Вихмана, и Николай отметил «прекрасную статую» жены, заказав себе повторение (позднее она была выполнена в мраморе; погибла во время пожара 1837 г. в Зимнем дворце)[65]. 18 (30) декабря 1824 г. Николай Павлович отметил прусского скульптора Х.Д. Рауха. Это было только начало длительного знакомства. В 1840 г. скульптор работал в С.-Петербурге и создал бронзовые бюсты Александры Федоровны и Николая I. В изображении Николая властная повелительность римского императора-триумфатора сочеталась с чем-то болезненным и отражала внутренний трагический надлом души (в настоящее время в Русском музее).

Записные книжки Николая Павловича — полноценный источник для составления хронологии этого периода, в том числе и поездок великого князя как по России, так и за рубежом. Значительную часть жизни Николай Павлович провел в дороге, и большое внимание уделялось дорожным экипажам. Дворцовыми экипажами и конюшнями заведовала Шталмейстерская часть, в частности Придворная конюшенная контора. При ней существовали придворные мастерские по изготовлению экипажей и упряжи. Николай Павлович имел дело прежде всего со шталмейстером своего двора П.П. Ушаковым (Папа).

На страницах дневников нашло отражение всё разнообразие дорожных и прогулочных экипажей, которыми пользовались при дворе. Чаще всего упоминаются дрожки («дрошки»), в том числе «дрошки в одну лошадь», «городские дрошки в одну лошадь», двухместные дрожки, «двуконные дрожки» (иначе — «дрошки в две лошади»), двухместные дрожки, «дрошки в три лошади»[66]. Не менее часто сообщается о различных типах колясок: «городская коляска», «городская коляска, запряженная четырьмя лошадьми рядом», «дорожная коляска», английская коляска, английская двухместная коляска, четырехместная английская коляска[67].

Закрытыми экипажами, такими как карета или закрытое ландо, Николай Павлович пользовался только во время поездок с женой и детьми. Типы карет тоже были разнообразными: двухместная карета для поездок в театр и прогулок с женой, двухместная карета четверкой, четырехместная карета[68]. Довольно часто упоминается также ландо (от города Ландау): открытое ландо, «закрытое дорожное ландо», «четырехместное ландо»[69]. В зависимости от погоды верх мог открываться или закрываться. В записи от 27 сентября (9 октября) 1825 г.: «...поехал с женой в двухместном ландо, сначала открытом, потом закрытом,

[65] Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 47.

[66] Там же. С. 76, 109, 119, 137, 138, 140, 141, 143, 147, 371, 631.

[67] Там же. С. 84, 96, 105, 199, 273, 239, 502, 582, 631.

[68] Там же. С. 127, 143, 168, 178, 185, 239, 472, 511 и др.

[69] Там же. С. 127, 143, 168, 178, 185, 239, 511 и др.

в Катерингоф (Екатерингоф недалеко от устья Фонтанки. — *Л. В.*)[70], высадились смотреть дом, обошли и вернулись в открытом ландо домой»[71]. Речь идет о деревянном дворце Екатерины I в Екатеринофе, где 1 мая ежегодно проводились гуляния «большого света», в 1823 г. стараниями М.А. Милорадовича екатерингофский сад был преображен до неузнаваемости. Реже упоминается кабриолет[72], «двуколка» (одна колесная ось)[73] и «прогулка в линейке с женой», в том числе в Павловске[74]. Зимой Николай Павлович пересаживался на «сани в одну лошадь» или в «две лошади»[75].

Не обходилось и без дорожно-транспортных происшествий, когда в дорожной коляске ломалась колесная ось[76]. Здание для музея было сооружено позднее, в 1857–1860 гг. Интересно, что при императоре Николае I в конце 40-х гг. XIX в. появилась мысль об устройстве Придворно-Конюшенного музея; приступили к строительству в 1857 г., а завершили в 1860 г.; были там и экипажи, которыми пользовался Николай I[77].

Прекрасный наездник, Николай Павлович на маневрах мог провести в седле 8 часов подряд, а вечером как ни в чем не бывало присутствовать на балу. Во время совместных прогулок верхом он был в наиболее хорошем расположении духа, тогда с ним легко можно было решить многие сложные вопросы. Именно верхом Николай Павлович изображен на известном групповом портрете «Николай I со свитой», исполненном Ф. Крюгером во время пребывания художника в Петербурге в 1832–1833 г. Отношение его к лошадям было особое. В памятных книжках Николай Павлович особо отмечает клички лошадей, на которых он был во время поездок, или на разводе: Ватерлоо, Орлов, Леди Кисс, Лолотта, Орвиль, Лалла Рук и др., иногда названных по масти (вороной, каурый, гнедой и т.д.)[78]. Особенности характера Николая Павловича, его привычки в полной мере проявились по отношению к лошадям. Он привыкал не только к людям, но и к лошадям. На протяжении всего рассматриваемого периода это «Матильда». Лошадей можно было купить на Галерной улице у Корби и Росси[79]. Жестокое обращение с лошадьми или причинение им вреда могло

[70] Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 642.

[71] Там же.

[72] Там же. С. 239.

[73] Там же. С. 591, 631.

[74] Там же. С. 82, 245.

[75] Там же. С. 161, 163–165, 167, 168, 179, 182, 184.

[76] Там же. С. 129. Подробнее см.: *Выскочков Л.В.* Император Николай I на улицах С.-Петербурга и дорогах Санкт-Петербургской губернии Санкт-Петербургской губернии // Центр и регионы: Сб. ст. / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. С. 287–313.

[77] Придворно-конюшенный музей. Рисунки исполнены в цинкографическом заведении Ф. Кройсъ. СПб., 1891. Автор ст. под инициалами В. М.

[78] Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 28, 46, 48–50, 93, 119, 200, 435, 510, 590, 636, 643 и др.

[79] Там же. С. 239.

привести Николая Павловича в бешенство. Рассказывая об одной загородной поездке в экипаже 13 (25) декабря 1822 г. Николай пишет: «Артамон пьяный, убивает лошадь, остановились, чтобы отпрячь <...> в Стрельне передал Артамона ординарцам от гусар, чтобы выпороли»[80].

Не случайно при Николае I в Александровском парке Царского села в 1827–1829 гг. архитектором Адамом Менеласом было возведено специальное здание для отслуживших свой срок лошадей «собственного императорского седла» — «Пенсионерная конюшня», а рядом возникло и кладбище для лошадей. Лошадей отправляли «на пенсию» примерно в 18–20 лет, а доживали они при хорошем уходе до 30–35 лет. В документах РГИА сохранилось немало дел по Придворной конюшенной конторе о помещении лошадей в конюшню и «О постановке памятников над падшими лошадьми Собственного Его Величества седла».

Николай Павлович имел также привычные маршруты пеших прогулок. Характерна надпись от 3 (15) марта 1823 г.: «...повстречал жену, спешился на Английской набережной, навстречу жене, Катинька (Е.П. Шувалова. — *Л. В.*), обратно с ней до Невского проспекта»[81]. Другое свидетельство от 21 октября (2 ноября) 1825 г.: «Поехал с женой в двухместной карте на Английскую набережную, пешком по набережной, Адмиралтейскому бульвару и Перспективе (Невскому проспекту. — *Л. В.*)»[82]. И на следующий день, 22 октября (3 ноября): «Гуляли пешком, зашли в английский магазин (на углу Невского проспекта и Большой Морской улицы. — *Л. В.*)»[83].

На страницах записных книжек нашли отражение поездки Николая Павловича водой — по водным артериям С.-Петербурга, по Финскому заливу в Кронштадт и Ораниенбаум. Так, в записи от 23 мая (4 июня) Николай Павлович и Александра Федоровна вышли из Аничкова дворца, прошли до Фонтанки и «сели в куттер <...> по Фонтанке, Семеновскому каналу, Обводному, к Московской заставе...»[84]. Вообще куттер — это тип одномачтового судна с косым парусом, предназначенного для прибрежного плавания. Далее упоминаются 12- и 16-весельный куттеры гвардейского морского экипажа[85], которые при попутном ветре могли достичь Кронштадта за 30 минут[86].

С 1815 г. по Неве и Финскому заливу пошли пароходы Ч. Берда, которые сначала назывались стимботами (паровыми суднами), а позже — на французский манер пироскафами (от греч. pyr — огонь и skaphos — судно). В памятной книжке в записи от 17 (29) октября 1825 г., описывая посещение Кронштадта,

[80] Там же. С. 160.

[81] Там же. С. 200.

[82] Там же. С. 654.

[83] Там же.

[84] Там же. С. 580.

[85] Там же. С. 628, 642.

[86] Там же. С. 642.

Николай Павлович отметил, что «через торговый порт достиг нового пироскафа, зашел, грелся внизу, вернулся в Ораниенбаум в 25 минут...»[87] Позднее паровые придворные яхты прочно вошли в быт императорской семьи[88].

В 1824 г. великий князь Николай Павлович с Александрой Федоровной стали готовиться в зарубежный вояж, который, в отличие от предшествующей совместной поездки 1821 г., решено было совершить морем. Записные книжки Николая Павловича позволяют уточнить время и обстоятельства этой поездки на 84-пушечном линейном корабле «Эмгейтен». По материалам Ф.Ф. Веселаго, об этом походе написал Н.К. Шильдер[89]. Но, судя по всему, первоначально этот сюжет вызвал у историка некоторое недоверие или, по крайней мере, сомнения у его слушателей во время сообщения Шильдера на заседании Императорского русского исторического общества. В дневнике А.А. Половцова от 1 марта 1901 г. осталась запись: «Вчера у государя в Зимнем дворце, в Малахитовой гостиной годичное собрание исторического общества. <...> Шильдер — анекдотический рассказ о поездке в.к. (великого князя. — *Л. В.*) Николая Павловича в Берлин; ехали туда морем три недели, а возвращались через Варшаву на колесах, потратив на то шесть недель. Свежо предание, а верится с трудом»[90].

Точные даты и обстоятельства этого трудного путешествия отражены в записной книжке великого князя Николая Павловича. Было решено отправляться 24 июля (5 августа), когда задул попутный ветер. После прощания Александр I, Мария Федоровна, Александра Федоровна отправились в Ораниенбаум. Время от времени мешал встречный ветер, иногда сильный. В записной книжке от 3 (15) августа Николай Павлович записал: «...у жены морская болезнь, остается лежать на верхней палубе за ширмой и подушками, лег, чтобы меня не вырвало, на кушетке, в столовой, спал...»[91]. Шли мимо Борнхольма, Муна и Рюгена, затем корабль взял курс на Росток и бросили якорь в двух милях от Варнемюнде. Из-за сильного ветра только 8 (20) августа прибыли на рейд, а 9 (21) великокняжеская чета в сопровождении капитана I ранга П.Ф. Качалова на 14-весельном катере вошла в канал Варнемюнде и прибыла в Росток. Таким образом, все путешествие заняло 17 дней![92] Возвращался Николай Павлович, оставив в Европе Александру Федоровну для лечения. 24 октября (5 ноября) в час дня отбыл с В.Ф. Адлербергом из Берлина и после двухдневного пребывания в Варшаве продолжил путь, достигнув Кобрина 29 октября (10 ноября). Но еще предстояли дорожные злоключения и езда на телегах на пути в Динабург и далее путь на На-

[87] Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 652.

[88] Русские императорские яхты: Конец XVII — начало XX века: Альбом / Авт.-сост.: В.В. Знаменов, А.Л. Ларионов, Т.Н. Носович. СПб.: ЦВММ, ГМЗ «Петергоф», ВИМАИВ и ВС, 1997.

[89] *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Кн. 1. М., 1997. С. 151.

[90] [*Половцов А.А.*] Дневник Половцова // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 81.

[91] Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 449.

[92] Там же. С. 445, 449, 450–451.

рву, всё это нашло отражение в дневниках Николая Павловича. В С.-Петербург после всех испытаний вернулись 12 (24) ноября и увидели последствия знаменитого наводнения. В целом сухопутный путь из Берлина в С.-Петербург занял 19 дней, на два дня больше морского[93]. В рассказе Н.К. Шильдера в передаче А.А. Половцова явно какая-то неточность.

Записные книжки представляют интерес и для историков театра, так как Николай Павлович был заядлым театралом и посещал многие постановки как в С.-Петербурге, так и во время европейских турне, участвовал в домашних фарсах, в том числе и в Аничковом дворце. В С.-Петербурге упоминаются три театра: Большой, Малый и недолго просуществовавший театр на площади у Чернышева моста. Впрочем, театральные постановки устраивались и в Зимнем дворце, и в других императорских резиденциях. Большой театр (на месте современной консерватории) встречается чуть ли не единственный раз — 19 (31) января 1823 г., когда великокняжеская чета в карете отправилась в Большой театр на балет[94]. Впрочем, он мог просто не называться в многочисленных упоминаниях посещения театра вообще[95].

Чаще всего называется Малый театр, который находился у Невского проспекта, там, где сейчас сквер перед Александринским театром, и с 1803 г. был в ведении дирекции Императорских театров. Он находился рядом с Аничковым дворцом и поэтому в дневниковых записях встречаются такие выражения: «иду пешком в Малый театр»[96]; «пешком через сад в Малый театр»[97]. 6 (18) февраля 1823 г. Николай Павлович был в нём вместе с Александрой Федоровной на французском спектакле, причем «пошел смотреть, как всё устроено в театре и каково освещение»[98].

Позднее, в связи с открытием Александринского театра Малый театр был разобран. Но место для него было определено Николаем I не случайно, ведь рядом был его семейный дом — Собственный Его Им ператорского Величества дворец. В Малом театре были как французские (в основном)[99], так и русские спектакли[100], и это тоже фиксируется в записных книжках Николая Павловича. В ряде случаев называются названия постановок. Кратковременным эпизодом в начале 1825 г. стал театр на площади у Чернышева моста (наб. Фонтанки, 57). Это был деревянный театр, перевезенный из Ораниенбаума. Выступали в нем русская и немецкая труппы. Новшеством было газовое освещение, но открытый

[93] Там же. С. 489–481.

[94] Там же. С. 178.

[95] Там же. С. 189, 433, 472, 481, 483, 486, 506, 509, 511, 537, 561, 641–642, 655–657, 663, 664, 669, 707, 725 и др.

[96] Там же. С. 641.

[97] Там же. С. 656.

[98] Там же. С. 187.

[99] Там же. С. 136, 139, 140, 174, 177, 182, 186, 187, 433, 668 и др.

[100] Там же. С. 172, 173, 188, 193.

1 января 1825 г. театр через два месяца сгорел до основания из-за треснувшей печки. 2 (14) марта Николай Павлович записал: «Встал, чтобы посмотреть, горит новый деревянный театр <...> опасность прекратилась»[101]. Камер-фурьерский журнал уточняет, что это было в 10-м часу вечера[102].

Особого комментария требует сообщение о немецком спектакле — опере «Севильский цирюльник» Д. Россини 18 (30) января 1823 г.[103] Возможно, как предполагают публикаторы записок, это его опера «Альмавива, или Тщетная предосторожность», так как в это время пользовалась успехом опера «Севильской цирюльник» Джованни Паиезелло. Однако предположение, что это могло быть в «Эрмитажном театре»[104], вызывает сомнение. К этому времени он пришел в упадок и был возрожден в начале царствования Николая I в 1826 г. Впрочем, Николай Павлович второй раз упорно называет «Севильского цирюльника» Россини в дневнике от 1 (13) марта того же года, но с уточнением: «Немецкий спектакль в Гербовой (Гербовой зал. — *Л. В.*), “Севильский цирюльник” Россини, хорошо, русский дивертисмент...»[105] Известно, что когда Александра Федоровна прибыла в Россию в 1817 г., она плохо знала русский язык. Вместе с Николаем она посещала тогда немецкий театр на Дворцовой площади (ныне внутри комплекса зданий Главного штаба). Французской труппы с 1812 г. не было, она появилась в 1819 г. и стала три раза в неделю играть в Большом театре. В дальнейшем труппы сосуществовали. После постройки при Николае I Михайловского театра он стал преимущественно французским, а Александринский — русским.

В дворцовых интерьерах императорских и великокняжеских дворцов также давались небольшие постановки, обычно из двух произведений на французском и русском языках. Так, 1 (13) марта 1823 г. отмечено редкое событие: цесаревич Константин Павлович прибыл из Царского села в Аничков дворец во время спектакля[106]. На следующий же день, 2 (14) марта, в Аничков дворец прибыли Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна и присутствовали на постановке водевиля Эжена Скриба «Миг неосторожности» и «Медведь и паша». Особо Николай Павлович оговорил, что «по-французски», т.е. французской труппой[107], так как в том же году драматург П.Н. Арапов создал русский вариант пьесы.

Во время зарубежных поездок, особенно на родину Александры Федоровны, Николай Павлович позволял себе участвовать в фарсах и театрализованных представлениях, посещал театры. Еще в 1821 г. вместе с Александрой Федоровной он участвовал в пьесе английского поэта-романтика Томаса Мура

[101] Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 537.

[102] РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825 г. Л. 174 об.

[103] Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 178.

[104] Записные книжки. Комментарий. С. 708.

[105] Там же. С. 199.

[106] Там же. С. 199.

[107] Там же.

на восточные сюжеты «Лалла Рук», исполнив роль бухарского принца, а Александра Федоровна — дочь индийской принцессы. Спектакль сначала прошел в королевском дворце, а потом повторен в Берлинском театре. С этого времени «Лалла Рук» стало поэтическим псевдонимом Александры Федоровны. В ночь с воскресенья на понедельник 30 ноября (1 декабря) 1824 г. Николай Павлович вновь отбыл в Пруссию, встретился с женой. Страницы его дневников заполнены не только военными сюжетами, но и впечатлениями о посещении театральных постановок, в том числе и оперы[108]. 14 (26) декабря 1824 г. он пишет о посещении берлинской Оперы: «Нурмахал» Спонтини, красивый спектакль, и красивая декорация, сюжет «Лалла Рук»[109].

Придворные праздники, маскарады, балы, а также с кем он вальсирует, игры (бильярд, лото, бостон) — всё это также присутствует в записных книжках Николая Павловича. Внимательно отмечает он присутствие или отсутствие вокруг себя «хорошеньких женщин»[110]. Отмечает, кто во время бала был с ним любезен (например, 27 февраля (8 марта) 1823 г. фрейлина С.А. Урусова, ставшая затем княгиней Радзивилл, будущая его фаворитка)[111]. Впрочем, гораздо чаще на страницах дневников встречается другое: «читал», «читал вслух»[112], «смотрел гравюры»[113], «рисовал»[114], «музицировал»[115]. Известно, что Николай Павлович хорошо рисовал, обладал музыкальным слухом, хорошо пел, играл на духовых инструментах. Но есть и неожиданное. 15 (27) октября 1822 г.: «У жены, учился играть на фортепиано»[116]. И через полгода, 29 марта (29 апреля) 1823 г.: «Гатчинский вечер... концерт на кларнете Бреннера, приехавшего из Мюнхена <нрзб.>, аккомпанировал ему на клавесине»[117]. И, конечно же, роль Николая Павловича в переходе полковых оркестров от роговой музыки (уже в медном исполнении инструментов) к духовым медным оркестрам в современном понимании.

Упомянуты «музыка и трубы драгун», «музыка саперов» (с. 178), но чаще всего — «музыка Измайловского»[118] или в другом месте — «кисло-сладкая музыка Измайловского»[119]. Музыка Измайловского полка на мотив народного

[108] Там же. С. 506, 507.

[109] Там же. С. 509.

[110] Там же. С. 27, 68, 86, 484, 485 и др.

[111] Там же. С. 198.

[112] Там же. С. 24, 59, 87, 109, 122, 164, 167–169, 175, 181, 182, 184, 198, 238, 244, 271, 272, 520, 556, 591, 624, 638, 654, 661, 663, 666, 667 и др.

[113] Там же. С. 171, 657 и др.

[114] Там же. С. 124, 139, 164, 178, 184, 230, 472, 487, 492, 506, 520, 638, 640, 647–650, 653, 654, 657, 659, 660, 663, 664, 672, 697 и др.

[115] Там же. С. 133, 134, 165, 167, 173, 174, 177, 180, 190, 197, 198, 648 и др.

[116] Там же. С. 132.

[117] Там же. С. 212.

[118] Там же. С. 148, 154, 654.

[119] Там же. С. 433.

силезского танца «лендер» звучала под окнами Александры Федоровны в день ее рождения. Под эту музыку Николай Павлович и принцесса Шарлотта танцевали в день своей помолвки в Берлине 23 октября 1815 г.

Упомянутыми сюжетами далеко не исчерпываются информационные возможности записных книжек великого князя Николая Павловича и можно только приветствовать введение в научный оборот этого ценного источника.

References

Alexandra Feodorovna. Vospominaniya 1817–1820 // Nikolaij I. Muzh. Otets. Imperator. M., 2000. S. 140–164.

Andreeva T.V. Tajnye obŝestva v Rossii v pervoj treti XIX v.: pravitel'stvennaâ politika i obŝestvennoe mnenie. SPb., 2009.

Zapisnye knižski velikogo knyazya Nikolaya Pavloviča. 1822–1825 / Pod red. M.V. Sidorovoi, M.N. Silaevoi. M., 2013.

Korf M.N. Voschestvie na prestol imperatora Nikolaya I // 14 dekabrja 1825 goda i ego istolkovateli (Gerzen I Ogarjoev protiv barona Korfa). M., 1994.

Safonov M.M. Mesždutsarstvie // Dom Romanovyh v istorii Rossii. SPb., 1995. S. 166–182.

Kamer-fur'erskij žurnal 1825 goda // RGIA. F. 516. Op. 1. (28–1618). D. 129.

Tarasov D.K. Imperator Aleksandr I. Poslednie gody žizni i zarstvovanija, bolezn, končina i pogrebenie. M., 2013.

Šilder N.K. Imperator Nikolaij Pervyj: Ego žizn' i carstvovanie. Kn. 1. M., 1997.

Список литературы

Александра Федоровна. Воспоминания 1817–1820 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 140–164.

Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.

Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825 / Под ред. М.В. Сидоровой, М.Н. Силаевой. М., 2013.

Камер-фурьерский журнал 1825 года // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129.

Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994.

Сафонов М.М. Междуцарствие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 166–182.

Тарасов Д.К. Император Александр I. Последние годы царствования, болезнь, кончина и погребение: По личным воспоминаниям лейб-хирурга. М.: Кучково поле, 2013.

Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Кн. 1. М., 1997.